

Глава 17

Линь Фэнмин до боли закусил нижнюю губу. Эти тридцать секунд показались ему тремя годами томительного ожидания.

Наконец время вышло, и Янь Юнь легко похлопал его по пояснице:

— Всё, на первый раз хватит. Поднимайся, отдохни.

От этого мимолетного хлопка и без того слабые мышцы Линь Фэнмина окончательно подвели его. Мысленно выругавшись, он едва не рухнул на пол, но собеседник, проявив завидную реакцию, вовремя подхватил его за талию.

Несмотря на не самое крепкое здоровье, профессор оставался взрослым мужчиной ростом выше ста восьмидесяти сантиметров. Тем не менее киноимператор, лишь слегка приобняв его одной рукой, с легкостью поднял его с пола, словно тот ничего не весил.

Зрители в чате буквально остолбели:

[Офигеть, ну и силища! А эта разница в габаритах...]

[Пусть теперь хоть кто-нибудь попробует вякнуть, что братец Юнь в боевиках пользуется услугами дублеров — я лично этому человеку в глаза плюну!]

[Слышите, если он одной рукой его так поднимает, то двумя, небось, может просто прижать к стене и...]

[!!! Прижать к стене и ДЕЛАТЬ ЭТО? Боже, я краснею!]

Линь Фэнмин, всё еще ощущая слабость в пояснице, попытался отстраниться. Стиснув зубы, он уже готов был разразиться проклятиями, но Янь Юнь виртуозно перехватил инициативу. Вскинув руку, он примерился к его талии и с досадой прицокнул языком:

— Почему ты снова похудел? Я же говорил тебе: ложись раньше, вставай раньше и больше двигайся...

На середине фразы мужчина внезапно осекся. Его собеседник, тоже собиравшийся высказать всё, что думает о чужой бесцеремонности, замолчал.

Причина была проста: эти слова звучали слишком знакомо. Настолько, что когда-то Линь Фэнмин пропускал их мимо ушей, и настолько, что даже после развода они сорвались с губ Янь Юня сами собой.

Однако, вопреки ожиданиям киноимператора, Ниннин не стал язвить в ответ. Он лишь поджал губы, а спустя мгновение слегка размял запястья:

— Я понял. Впредь буду стараться.

То, что раньше казалось назойливой опекой, от которой он смертельно устал, теперь воспринималось как искреннее наставление, которое хотелось слушать бесконечно.

— Теперь можно на беговую дорожку? — спросил профессор Линь, отворачиваясь.

Янь Юнь встряхнул головой, словно пробуждаясь от долгого сна:

— Нет, растяжка еще не закончена.

Линь Фэнмин недовольно фыркнул, но всё же подчинился, позволяя бывшему мужу направлять его движения, крепко удерживая за руки.

К концу разминки Линь Фэнмину казалось, что он перенес маленькую смерть. Отирая пот, он невольно подумал, что всё не так уж и плохо — пожалуй, ему действительно пора заняться собой.

Но эта оптимистичная мысль была разбита вдребезги в ту же секунду: Янь Юнь вовсе не собирался пускать его на дорожку.

— Бег — это слишком долго, за месяц мы ничего не добьемся, — объявил «тренер Янь» под испепеляющим взглядом профессора. — Ложись. Начнем со скручиваний.

Яркое утреннее солнце заливало комнату светом, подчеркивая простор и уют, но Линь Фэнмину, распластавшемуся на коврик для йоги, было совсем не до радости. Пот пропитал футболку насквозь; тонкая ткань облепила тело, создавая неприятное ощущение липкости, но у него не оставалось сил даже на то, чтобы обратить на это внимание.

— Последние десять раз, — подбадривал Янь Юнь, прижимая ладонь к его животу. — Держись, спина должна плотно прилегать к полу. Почувствуй, как работают мышцы пресса.

«Почему бы тебе самому не попробовать так пожить?!»

Для человека, далекого от спорта, тренировки рано или поздно вызывают глухое раздражение. Это чувство бессильной ярости хорошо знакомо студентам на физкультуре, и университетские профессора, не привыкшие к физическому труду, не были исключением.

Лицо Линь Фэнмина покраснелось, влажные пряди волос прилипли к вискам. В его глазах, устремленных на тренера, читались нескрываемый гнев и едва уловимая обида. Даже губы его

подрагивали от сбитого дыхания.

Янь Юнь на мгновение замер. Его дыхание перехватило, и он поспешно опустил голову, скрывая потемневший взгляд. Сам Линь Фэнмин был слишком занят тем, чтобы не задохнуться, и совершенно не осознавал, насколько сейчас напоминает себя самого в те моменты, когда он в бессилии сжимал простыни, захлебываясь слезами и готовый осыпать мужа ругательствами.

Зрители в чате едва не сорвали голоса от криков. Поскольку голосовые сообщения в трансляции были запрещены, они выплескивали свой восторг в тексте:

[Матерь божья, этот пот... он выступил ну очень вовремя! А этот взгляд!]

[А-а-а-а-а! (Бьется головой об стену)]

[Братец Юнь что, кастрат? Как он вообще держится?!]

[#ЯньЮньИмпотент]

[Если он не может, то я могу! Я! Я! Я!]

[Мне нужно обращение более интимное, чем «профессор», и более весомое, чем «малыш»... Невестка! Моя суженая невестка!]

[Господин Цао, я всё осознал! Чужая жена и правда слаще всего на свете!]

[Янь Юнь, паршивец, в каком же раю ты живешь?!]

Физическая нагрузка, пожалуй, лучшее средство от стресса. Выполнив последнее скручивание, Линь Фэнмин просто остался лежать на коврик. Завалив руку за голову и тяжело дыша, он в этот миг напрочь забыл и о разводе, и о шоу — ему просто хотелось выплеснуть накопившееся внутри напряжение.

— Теперь твоя очередь, — выдохнул он.

Янь Юнь вскинул бровь:

— Я вроде не говорил, что собираюсь что-то делать.

Линь Фэнмин одарил его ледяным взглядом, в котором четко читалось: «Жить надоело?»

Мужчина долго смотрел на него, а затем внезапно усмехнулся:

— Ладно. Сколько?

Этот разговор, лишенный контекста, мог показаться стороннему наблюдателю набором загадок, но для них двоих смысл был предельно ясен.

— Сотня, — отрезал Линь Фэнмин.

Янь Юнь на мгновение опешил. Спустя секунду он опустил голову и отложил телефон в сторону. Растрепанные волосы скрыли выражение его лица.

— Хорошо, — негромко проговорил он. — Выплачу сегодня все долги разом.

В этих словах сквозила странная двусмысленность.

Профессия киноимператора подразумевала частые разъезды. И если в периоды затишья он мог доводить профессора своим присутствием до белого каления, то во время съемок мог пропадать неделями. Линь Фэнмин никогда не признавался в этом вслух, но когда тоска становилась невыносимой, он начинал вести счет дням.

Обычно отсчет шел с того дня, когда он начинал по-настоящему скучать: по два отжимания за каждый день отсутствия Янь Юня. К моменту возвращения мужа накапливался «долг».

Это была их тайная традиция, о которой не знал никто. И последний период, который зафиксировал Линь Фэнмин, пришелся как раз на те двадцать дней перед разводом. По логике, Янь Юнь должен был отжаться сорок раз — именно поэтому он сначала удивился цифре «сто».

Но он быстро сообразил: сорок за те дни, а оставшиеся шестьдесят — за последний месяц, проведенный в разлуке.

Янь Юнь молча подошел к коврику и опустился на пол прямо перед Линь Фэнмином. Тот приподнялся, не отрывая взгляда от мужчины, который уже принял упор лежа.

Один, два, три... тридцать девять, сорок.

Тот выполнил первые сорок отжиманий на одном дыхании, без малейшей паузы. Его техника была настолько безупречной, что зрители невольно залюбовались. Когда он мощным движением выталкивал тело вверх, его бицепсы напрягались, а капли пота скатывались по рельефным, тугим мускулам.

В отдельном окне трансляции количество комментариев росло в геометрической прогрессии.

Однако стоило Янь Юню закончить сороковой раз и начать сорок первый, как профессор, еще не до конца пришедший в себя после своей тренировки, внезапно поднялся. Под потрясенными взглядами зрителей он подошел к мужчине и, не говоря ни слова, опустился прямо ему на спину.

— — ?!

Зрачки Янь Юня сузились, дыхание мгновенно стало тяжелым. Мышцы на руках вздулись, но причиной тому был не только лишний вес. Это действие несло в себе еще один скрытый смысл, понятный только им двоим.

Однажды Янь Юнь снимался в горном ущелье, когда начались проливные дожди. Грязевой поток едва не смел лагерь. Несмотря на то что никто серьезно не пострадал, съемочной группе потребовалось немало времени, чтобы выбраться оттуда.

Все те дни Линь Фэнмин не находил себе места от тревоги. Когда актер, изрядно натерпевшийся страху, наконец вернулся домой, муж встретил его ледяным молчанием и лишь коротко назвал число. Янь Юнь, признавая свою вину, молча снял куртку и начал отжиматься.

Но едва он дошел до двадцать первого раза, Линь Фэнмин молча сел ему на спину. Число двадцать один означало одиннадцатый день разлуки — именно тот день, когда сошел оползень. Линь Фэнмин тогда не проронил ни слова, выразив всю свою ярость и невыносимую тоску этим жестом.

Тогда он сделал это впервые. Сейчас был второй раз.

Ощувив тяжелую мягкость чужого тела на своей взмокшей спине, Янь Юнь почувствовал небывалый прилив сил. С резким выдохом он продолжил выполнять отжимания — так же четко и быстро.

Линь Фэнмин сидел боком, не сводя глаз с мужчины под собой. Пот еще не высох на его лице, придавая коже влажный блеск. Он молча наблюдал за тем, как перекачиваются под кожей Янь Юня мощные мышцы, подчеркивая каждое его движение.

Зрители окончательно потеряли дар речи, а придя в себя, принялись неистово строчить:

[Офигеть?! Что я сейчас вижу?!]

[А-а-а-а! Средь бела дня! Что вы творите! Вот за это я и плачу за VIP-статус!]

[Любому другому человеку сейчас бы спину переломило, но это же Янь Юнь!! Он в чертовски хорошей форме! Для него это явно не наказание, а награда!]

[Как же он его провоцирует... Настоящий соблазн. Я-то думал, профессор Линь — «неприступный цветок», но почему он так ведет себя именно с мужем?!]

[Да не поощряйте вы его!! Красавец, иди ко мне, накажи меня так же!!]

[Черт, то, как он молча на него уселся... это так властно и чертовски сексуально. Глядя на них, я не могу не представлять, что творится у них в спальне!]

[У-у-у, я здоров, я молод, у меня куча сил! Жена, сядь на меня тоже!]

Обычному человеку, даже если он завсегдатай спортзала, было бы крайне трудно выполнить шестьдесят отжиманий с грузом в виде взрослого мужчины. Тем более учитывая, что Янь Юнь уже сделал сорок до этого.

Но киноимператор закончил серию в стабильном темпе. Его движения были настолько идеальны, что их можно было вносить в учебники.

Как только было выполнено последнее отжимание и ноги Линь Фэнмина коснулись пола, Янь Юнь резко схватил его за руку и потянул к выходу.

— — ?! — Линь Фэнмин вскинул голову. — Ты что творишь?

Жар натренированного тела чувствовался даже через ткань, опалая профессора изнутри. Янь Юнь бросил на него короткий взгляд:

— В душ.

Не дожидаясь ответа, он вышел из спортзала и на глазах у потрясенного Чэн Сюя, который как раз проходил мимо, на руках занес Линь Фэнмина в спальню. Дверь с грохотом захлопнулась, отсекая любопытные взгляды зрителей.

Чат взорвался стонами разочарования:

[Я заплатил деньги!! Я участник!! Пустите меня внутрь!]

[Янь Юнь!! Имеешь смелость тащить жену в спальню — имей смелость не закрывать дверь!]

[Братец Юнь, ты мужик или кто?! Даже фанатов боишься?]

**[Какой душ посреди дня?! Янь Юнь, ты явно замыслил что-то непристойное! Открывай, мы

требуем проверки!]**

[Ставлю сотку, братец Юнь уже на грани взрыва.]

[Говорят, после тренировок тестостерон зашкаливает... Бедный профессор Линь, ставлю ему самую длинную свечку.]

[Прекрасный искуситель хотел наказать мужа, но план провалился, и теперь его самого будут жестко ПЕРЕВОСПИТЫВАТЬ до потери сознания... Боже, я представляю Линь Фэнмина — всего в поту, раздосадованного и донельзя соблазнительного...]

[Изысканно!]

Внутри комнаты все звуки и обсуждения остались за порогом.

Линь Фэнмин чувствовал, как по коже бегут мурашки под чужим взглядом, но не желал сдаваться. Превозмогая сбитое дыхание, он посмотрел Янь Юню прямо в глаза. Его взгляд дрожал, но голос был полон вызова:

— Всё еще не отпускаешь... Неужели хочешь помыться вместе?

<http://bllate.org/book/15367/1372805>